

Глава 1

Раннее утро, старшая школа в Гуйяне.

Бай Хао вышел из общежития с рюкзаком за плечами. В кампусе почти никого не было: через день наступал праздник Цинмин, и многие разъехались по домам. По пути он не встретил почти ни души.

В апреле холод еще не отступил, и школу окутывал легкий туман. Утренний воздух был настолько ледяным, что при вдохе начинало покалывать в носу. Бай Хао, кутаясь в поношенное шерстяное пальто и пряча подбородок в мягкий черный шарф, опустив голову, зашагал к выходу.

На автобусной остановке у ворот школы он стал ждать транспорт. До вокзала было с десятков остановок — без пробок можно добраться за полчаса, но сегодня дорога была наглухо забита. Пятый автобус, прошедший мимо остановки еще десять минут назад, все еще маячил в поле зрения, едва сдвинувшись с места.

Даже если автобус придет, Бай Хао не мог позволить себе тратить время на эти пробки. Он занервничал, взглянул на часы: девять с лишним. Ему нужно успеть на поезд в двенадцать тридцать, а еще ведь надо заранее купить билет.

Ладно, поеду на электроскутере.

Бай Хао подошел к водителю скутера и спросил:

— Сколько до вокзала?

Мужчина средних лет, сидевший на скутере, с покрасневшим от холода носом, опустил голову и курил, не обращая на него внимания.

— Эй, дружище, — Бай Хао помахал рукой перед его лицом и чуть громче добавил: — Ты едешь или нет? Я спрашиваю, сколько стоит доехать до вокзала.

Мужчина поднял голову, но посмотрел не на Бай Хао, а на девушку, стоявшую за его спиной:

— Красавица, куда тебе?

Бай Хао мгновенно закипел. Какого черта? Стою тут, спрашиваю, он молчит, а как увидел девчонку — сразу заигрывать?

— Ты чего, брат? — недовольно бросил Бай Хао. — Только у девушки деньги есть, что ли?

Но мужчина снова проигнорировал его. Девушка помедлила и спросила:

— Сколько до автовокзала?

— Двадцать, — ответил водитель.

Бай Хао, которого в упор не замечали, пришел в ярость. Попад в столь неловкое положение, он уже собирался устроить скандал, но то, что произошло дальше, повергло его в ступор.

Девушка кивнула и пошла прямо на Бай Хао. Тот вздрогнул и инстинктивно попытался увернуться, но в следующее мгновение увидел, как девушка проходит сквозь его тело, садится на скутер, и водитель тут же вливается в поток машин.

Бай Хао: «...»

Он ошарашенно смотрел вслед удаляющемуся скутеру. Что это вообще было? Та девушка... она только что прошла сквозь него?

Бай Хао простоял в замешательстве несколько минут, а когда до него дошел смысл произошедшего, по спине пробежал холодок.

Через два дня Цинмин... Неужели я встретил призраков? Неужели они оба — призраки? — подумал Бай Хао.

Вспомнив прочитанные романы о том, как духи с сильной привязанностью к миру повторяют свои последние действия перед смертью, не в силах уйти на перерождение, Бай Хао смертельно побледнел. Неужели это правда? Иначе как объяснить, что они оба смотрели сквозь него, а девушка смогла пройти сквозь его тело?

Бай Хао придерживался принципа: лучше верить в сверхъестественное, чем отрицать его, но какова вероятность встретить призрака среди бела дня? Он никогда не слышал и не видел историй о том, чтобы призраки являлись в дневное время.

Но эти двое определенно вели себя так, будто его не существовало! Если это не встреча с духами, то что? Бай Хао стало не по себе. Независимо от того, кто они такие, их поведение было пугающим, а приближающийся Цинмин заставлял его нервничать.

Он не переставал прокручивать это в голове. Забыв о такси, он увидел подошедший автобус, бросил мелочь в ящик и зашел в салон.

Через полчаса Бай Хао был на вокзале.

Там было полно народу, и Бай Хао заметил, что все вокруг будто ослепли: люди не смотрели под ноги и постоянно врезались в него. У него не было времени размышлять о случившемся, он ловко маневрировал в толпе, уклоняясь от столкновений.

Подойдя к кассе, он встал в очередь. Пока ждал, достал телефон, чтобы скоротать время. Когда подошла его очередь, не успел он даже достать деньги, как человек позади него вдруг оказался впереди и начал покупать билет.

— Без очереди? — Бай Хао нахмурился, чувствуя раздражение. Он даже не заметил, что в узком проходе никто не мог пролезть вперед, не задев его. Он потянулся схватить толстяка за капюшон пуховика, но рука прошла сквозь него, рассекая воздух.

Бай Хао: «!!!»

Он перепугался до смерти. В шоке уставился на свою руку, потом на толстяка, его и без того большие глаза округлились до предела. Он смотрел на свои бледные, тонкие пальцы — они были как всегда, ничего странного, но почему они прошли сквозь чужое тело?

Неужели он снова встретил призрака? И этот толстяк — тоже призрак?

Бай Хао в ужасе смотрел, как толстяк забирает билет и уходит, потом снова на свои руки. В голове была пустота. Пока он пребывал в оцепенении, перед ним встал еще один человек, чтобы купить билет.

Даже если бы Бай Хао был полным кретином, он бы понял, что что-то не так. Три человека прошли сквозь него, и столько же людей его игнорировали — в обычной жизни такое невозможно. Почему это происходит сегодня?

Если не с ними что-то не так, значит... значит, проблема во мне?

Бай Хао в ужасе уставился на свои руки, и эта мысль заставила его содрогнуться. Нет, что со мной может быть не так? Он покачал головой, пытаясь успокоиться, и бросился к окошку кассы:

— Пожалуйста, один билет до Аньшуня!

Кассирша, стуча по клавишам, даже не взглянула на него, словно он был прозрачным. Ее поведение будто подтверждало его худшие опасения. Бай Хао пришел в ярость и закричал во весь голос:

— Эй! Я сказал, дайте мне билет до Аньшуня!

Но как бы он ни кричал, как бы ни бесновался, кассирша не удостоила его даже взглядом, а окружающие не оборачивались на его вопли.

Бай Хао оперся на стойку, перед глазами поплыло, он начал тяжело дышать. Реакция людей подтверждала его догадку: он не в порядке. С ним что-то случилось.

Никто не ослеп, и это не призраки в Цинмин! Он стал прозрачным, как воздух. Он видит всех, а его — никто!

Бай Хао рухнул на пол, лишившись сил. Рюкзак за спиной казался неподъемным, не давая дышать. Он не понимал, что произошло. Ведь еще вчера все было хорошо?

Вчера одноклассник разыграл его с лотерейным билетом, сказав, что он выиграл сто с лишним тысяч. Вчера он вместе с одноклассниками спрятал телефон девушки в цветочном горшке в учительской. Вчера он...

В голове у Бай Хао царил хаос. Он лихорадочно вспоминал события вчерашнего дня, как вдруг в его сознании всплыла картина, которой он не видел.

Шумная учительская, ученики бегают туда-сюда, разыгрывая друг друга. Его самого там нет. На его парте сидят Чжан Ян и Ван Цзянь. Они достают из его стола пузырек с лекарствами, хихикая, высыпая таблетки в карман, а взамен засыпают белые сахарные драже, которые продаются по юаню за пачку.

Сцена меняется: в классе остался только Бай Хао. За окном Чжан Ян и Ван Цзянь украдкой наблюдают, как он после еды запивает лекарство водой. Они раздражаются хохотом и убегают. А он, услышав шум, лишь выругался: «Идиоты».

Видение исчезло. Бай Хао широко открыл глаза, дрожащими руками вытащил пузырек из рюкзака и открутил крышку. Он высыпал в ладонь горсть белых гранул, закинул в рот и почувствовал кисло-сладкий вкус!

Вчера эти подонки подменили его лекарства! В бутылке были одни конфеты!

Два ублюдка!

Бай Хао заскрежетал зубами от ненависти, швырнул конфеты на пол и с силой отшвырнул пустой пузырек. Никто этого не заметил.

Он в ярости колотил по полу, мечтая убить их обоих. Эти идиоты вечно задирали его, а он из-за слабого здоровья никогда не отвечал на их выпады. Кто бы мог подумать, что они додумаются подменить лекарства, которые он должен был принимать ежедневно.

Бай Хао был болен. Если быть точным, у него была наследственная эпилепсия. Лекарство, которое он пил — карбамазепин — нужно было принимать каждый день без пропусков. Он принимал его с двенадцати лет, доза выросла с двух таблеток до шести. Целых шесть лет

препарат сдерживал приступы.

Можно было только догадываться, что произошло, когда он наелся сахара вместо таблеток. Бай Хао смутно припомнил, как на уроке английского днем почувствовал пустоту в голове и головокружение.

Это был предвестник приступа.

Он наверняка сорвался прямо на уроке, на глазах у всего класса, выставив напоказ свою самую жалкую сторону. А что случилось потом, из-за чего он теперь стал таким «неживым»? Вряд ли что-то хорошее.

Бай Хао не смел строить догадки. Последствия приступа — это то, о чем он боялся думать больше всего. Он колотил пол, проливая слезы обиды и ярости.

Но не успел он подняться, как его тело внезапно потеряло вес и оторвалось от земли. Бай Хао в ужасе почувствовал, как его легкое, почти невесомое тело устремилось вверх, к потолку кассового зала.

В тот же миг все чувства притупились, сознание начало угасать, погружаясь в хаос. Бай Хао перестал различать окружающее. Где-то вдалеке послышалось бормотание — очень похожее на «Сутру великого сострадания», которую часто слушала бабушка.

Его напряженное тело непроизвольно расслабилось, мысли очистились. Он прикрыл глаза и провалился в небытие.

Когда он снова открыл их, рюкзака на нем уже не было, а сам он парил у входа в деревню Сячжай.

Он вернулся домой.

В душе Бай Хао царило полное опустошение, заглушающее любопытство. Он уже смутно догадывался, что произошло, но боялся признаться в этом самому себе.

Глава 2

В душе Бай Хао царило полное опустошение, заглушающее любопытство. Он уже смутно догадывался, что произошло, но боялся признаться в этом самому себе.

Какая-то неведомая сила потянула его вперед, и он пролетел сквозь узкие улочки деревни. Мимо проплывали знакомые пейзажи — дорога домой, по которой он ходил восемнадцать лет.

Впереди слышались тяжелые, пронизанные скорбью звуки похоронной музыки. Сердце Бай Хао сжалось от страха, подсознательно он пытался сопротивляться, но тело неумолимо влекло его к собственному дому.

Перед полуоткрытыми воротами, на резной арке, висели белые полотна и бумажные цветы. Звуки скорбной музыки становились все громче, проникая в самое сердце. Бай Хао в ужасе хотел сбежать, но его несло внутрь.

Усадьба клана Бай была огромной — старинный дом с тремя дворами, построенный сотни лет назад. Несмотря на ветхость, он все еще выглядел внушительно. Бай Хао пролетел через первый двор и оказался во втором.

Там было полно народу: деревенские старики помогали с похоронами — одни читали молитвы, другие складывали бумажные деньги или мастерили погребальные принадлежности. Погода стояла мрачная, небо затянули тучи, и дул ледяной ветер.

Бай Хао оцепенело смотрел на все это. Если раньше он еще тешил себя надеждами, то теперь его с силой втиснули в эту страшную реальность.

Двери в главный зал были распахнуты, оттуда доносились душераздирающие рыдания. Бай Хао задрожал, и его тело само втянуло внутрь. Перед входом стоял столик с курильницей, а само помещение было отгорожено белой тканью.

На белом полотне висела его фотография. Бай Хао замер, глядя на свой черно-белый портрет. Значит, это его похороны? Неужели он действительно умер?

Он услышал отчаянный плач бабушки и матери. Бай Хао в растерянности обогнул столик и увидел свое тело, лежащее на деревянном щите — его еще не успели положить в гроб.

Его привели в порядок: мягкие волосы были аккуратно зачесаны назад, открывая бледный лоб и четкие черты лица. Бай Хао был красив, а из-за постоянной болезненности выглядел утонченно. Его кожа была очень светлой, а из-за того, что волосы были убраны, лицо казалось еще более острым.

На нем был ярко-красный погребальный наряд и старые черные матерчатые туфли. Одежда была явно велика и по фасону больше подходила женщине — сразу было видно, что ее готовили не для него.

Действительно, бабушка Бай шила этот наряд для себя. Но смерть внука была такой внезапной, что, когда вчера вечером они привезли тело из школы, времени шить новое уже не было, и пришлось надеть на Бай Хао то, что было.

Когда они привезли тело, деревенские старики пытались отговорить бабушку Бай, боясь

навлечь на дом беду, но она не слушала. Единственный наследник клана Бай ушел из жизни, и теперь, когда остались только она да невестка, чего еще бояться? Главное — проводить внука с почестями.

Бай Хао смотрел на самого себя — бледного, с закрытыми глазами, без единого признака жизни. Он долго стоял в оцепенении, а потом криво усмехнулся, принимая реальность.

Значит, после того приступа он действительно умер.

Бабушка и мать сидели на полу, рыдая и выкрикивая его имя, записанное в родословной книге. Старики пытались их утешить. Потерять ребенка — величайшее горе в мире. Бабушка Бай, не слушая никого, качала головой:

— Цзыи, внучек мой! Почему ты так рано ушел? Как же мне теперь жить?

Цзыи — это имя Бай Хао в родословной, по поколению Цзы. У него было два имени: домашнее — Бай Хао, и родовое — Бай Цзыи.

Мать Бай, поддерживавшая бабушку, зарыдала еще громче, падая на колени и задыхаясь от слез. Видя это, глаза Бай Хао налились кровью, в носу зашипало, и он закричал:

— Мама! Бабушка! Я здесь! Я здесь!

Но никто не слышал его крика. Женщины продолжали безутешно плакать. Бай Хао пытался броситься к ним, чтобы поддержать, но тело не слушалось — он будто был прикован к этому месту.

Через десять с лишним минут бабушка Бай потеряла сознание. Мать Бай в испуге с помощью соседок подхватила ее и унесла в боковую комнату. Бай Хао хотел последовать за ними, но не мог сдвинуться ни на дюйм.

Смеркалось. Старики во дворе разожгли костер и начали готовить ужин. Бай Хао смотрел на них, а потом на свое бездыханное тело, чувствуя полное безразличие.

Больше не нужно бояться пропустить прием таблеток. Не нужно беспокоиться о приступах. Бабушке и матери больше не придется обивать пороги врачей.

С самого детства он знал, что отличается от других. Другие дети были здоровы, а он страдал от наследственной болезни. Он всегда боялся, что однажды повторит судьбу деда и отца. Деда он не застал, а отец погиб, когда ему было три года — приступ случился, когда он был у реки.

В клане Бай остались только он, бабушка и мать. Бабушка всю жизнь молилась богам, прося для него здоровья. Но болезнь все равно его настигла. Ради него он на год бросил школу, пока не нашел лекарство в Гуйяне, благодаря которому смог вернуться к учебе.

Бай Хао жил в постоянном страхе. С двенадцати лет, когда начались приступы, каждый день был борьбой за выживание. Он боялся, что малейшая неосторожность приведет к катастрофе.

А теперь? Теперь ему больше не нужно об этом думать. Больше никакой унижительной жизни. Но даже муравей хочет жить. Он, человек, пусть даже «ходячий пузырек с лекарствами», совсем не хотел умирать.

Он нес на себе груз любви и ожиданий бабушки и матери, столько лет терпел ради них, и что теперь? Так просто взять и уйти? Он не смирился. Он не хотел умирать. Но даже если он не смирился, что он мог поделать, если не мог даже отомстить своим обидчикам?

Ночь становилась глубже. Старики разошлись по домам, остались лишь несколько человек, чтобы дежурить у гроба. Ближе к полуночи температура резко упала, поднялся холодный ветер. Старики, уставшие за день, дремали у жаровни.

Масляная лампа под щитом с телом дрожала от ветра, по двору гулял свист, а лампочка, подвешенная к карнизу, раскачивалась, отбрасывая беспокойные тени.

С тех пор как Бай Хао осознал свою смерть, все физические ощущения исчезли. Он не чувствовал холода и не хотел спать. Он был абсолютно ясен умом и продолжал молча наблюдать из главного зала.

Неизвестно, сколько прошло времени, как вдруг снаружи послышался вой, похожий на собачий. Он доносился из-за стены, и в тишине ночи звучал пугающе, как призрачный стон.

Жуткие завывания заставили даже Бай Хао, ставшего призраком, почувствовать тревогу. Старики в зале проснулись от этих звуков. Они переглянулись, не понимая, что происходит. Ветер, смешиваясь с этим странным воем, звучал по-настоящему зловеще.

Пятеро стариков, дежуривших у тела, с тревогой смотрели в сторону двора. Им было страшно. Дедушка Чжан, опираясь на палку, встал, выглянул наружу и, прислушавшись, облегченно выдохнул:

— Кажется, это просто собаки воют.

— И правда, собаки, — Ли Агонг тоже успокоился и, чтобы приободриться, добавил: — И откуда только взялись эти бродячие псы? Воют тут, как нечистая сила.

— Эй, эй, перестаньте болтать!